

ЛОГИКА И «УПРАВИТЕЛЬНАЯ АСТРОЛОГИЯ» В «СКАЗАНИИ О МАМАЕВЪМ ПОБОИЩЕ»*

1. Постановка вопроса.

В отечественных исследованиях последнего времени внимание уделяется методам нейропсихологического моделирования средневековых социальных процессов (1, с. 181-202). Это приобретает актуальность также в связи с тем, что в зарубежной историографии проводится изучение так называемого феномена «молчания» древнерусской культуры, объясняемого некоторыми учеными малограмотностью, неспособностью наших предков к философским обобщениям (2, с. 146-165). Однако отсутствие философских обобщений того типа, какой присущ западноевропейской культуре, не исключает способности русских в средневековый период логически мыслить. Настораживает дефицит исследований о роли логики и математики в жизни древнерусского человека. Так, в разработанной Вяч. Вс. Ивановым нейропсихологической модели средневекового монаха, как носителя древнерусской культуры, отсутствуют данные по логике и математике (1, с. 197). Возможно, это объясняется тем, что средства формальной логики не достаточны для указанной цели, а ее продолжение - математическая логика - пока не нашла простые пути «проникновения» в лабораторию изучения средневековой русской культуры, т.к. в математической логике «непредставлено не представлены нормативные и совершенно отсутствуют аксиологические (определяющие ценность социально-культурных факторов - Р. С.) элементы, при помощи которых регулируется повседневная интеллектуально-речевая практика» (3, с. 18).

Поэтому нельзя проходить мимо фактов, свидетельствующих о высоком логико-мыслительном уровне представителей древнерусской культуры. По-видимому, в конце XV - начале XVI вв. повышение этого уровня стимулировалось усвоением одними интеллектуалами взглядов еретиков-«жидовству-ющих» и их разоблачением - другими. Одной из областей такого идеолого-культурного оживления была астрология. «Жидовски мудрствующие» изучали и пропагандировали астрологию и логику (24, с. 152). В этом контексте русская церковная «общественность» могла прибегать не только к обычным запретительным санкциям против астрологии, но и предпринять какие-то шаги в направлении своего рода «легализации» неких «безобидных» аспектов астрологии, одним из которых была

---

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты №№ 98-03-04205, 98-03-04227.

По теме статьи сделаны доклады: 1) на Первом открытом семинаре по истории астрологии в Академии мировой астрологии и метаинформации (Москва, 26.12.98), 2) на заседании Общества исследователей Древней Руси (Москва, 03.11.99).

распространенная на Руси «управительная» астрология*. В этой связи интерес представляет сюжет, связанный с ожиданием воеводой засадного полка Боброком «времени подобна», решившего исход Куликовской битвы в трактовке «Сказание о Мамаевом побоище».

2. Сюжет о засадном полке в ранних списках «Сказания».

Документальным подтверждением перипетий Куликовского сражения 1380 г. являются современные событию летописные записи и «Задонщина» - лирический отклик на битву, появившийся, как считают, не позже 1392 г. (4, с. 347). Спустя некоторое время возникли историко-художественные описания Куликовской победы. Одним из них и является «Сказание о Мамаевом побоище», написанное спустя многие десятилетия после исторического события.

В «Сказании» содержатся художественные дополнения, живописующие течение сражения. Так, был введен сюжет о действиях засадного полка, возглавляемого князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынцем (Волынским)**. Полк маскировался в зарослях («дубраве») и до поры не вступал в бой, даже когда ордынцы начали теснить основные русские силы. В подходящий момент неожиданно для противника на него напали русские из засады, переломив ход битвы. Эти подробности придают кульминации победы св. Дмитрия Донского драматическое напряжение. Историкам хотелось здесь видеть «реальный факт военной тактики московского князя» (5, с. 304). Однако другими источниками это не подтверждается (6, с. 372). Недавнее изучение подробностей о засадном полке с учетом хронометрических показаний привело В.Н. Рудакова к выводу о малой вероятности использования в «Сказании» не дошедших до нас источников. Он резонно задает вопрос: «Если какие-либо ранние хронометрические свидетельства о событиях Куликовской битвы и существовали, то почему ими не воспользовались авторы «Задонщины» или краткой летописной повести?» (7, с. 148).

Течение Куликовского сражения по часам выглядит так. «Сошлись обе силы великие» в третий час (считая с рассвета) и бились четвертый, и пя-

* «Управительная» (хронократорная) астрология устанавливает для каждого часа, дня, года, явления, события, процесса, территории, сообщества людей, отдельного человека и пр. астрального «управителя» («покровителя») из светил септенера (пяти видимых планет, Луны и Солнца) и знаков зодиака, который (хронократор) наделяется качеством доброго, злого или среднего. См.: *Симонов Р.А.* Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV в. // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1992. Сб. 3. С. 327-343.

** Есть веские основания считать, что исторический боярин и воевода Д.М. Боброк-Волынский был женат на родной сестре Дмитрия Донского Анне Ивановне. Их сын Михаил причислен к лику святых, прославился духовным подвижничеством как юродивый Клопского монастыря. См.: *Янин В.Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клоповского // *Археографический ежегодник за 1978 год*. М., 1979. С. 52-61.

тый, и шестой*. «Когда же настал седьмой час дня, по божьему попущению и за наши грехи начали поганые одолевать» (8, с. 177). Князь Владимир Андреевич Серпуховской стал понуждать воеводу Боброка напасть на татар из засады: «Что убо плъза стояние наше?» На это Боброк сказал: «Беда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинай без времени, вред себе приемлеть... И мало убо потрѣпим до времени подобна, вън же час имаем въздарие отдати противником» (8, с. 178). Воевода предостерегал, что, выступив раньше времени, можно попасть в беду, поэтому надо потерпеть немного до «времени подобна», т.е. нужного, надобного**, и в тот же час (момент?) воздать противнику.

Ожидание тревожило русских воинов, которые рвались в бой, но Боброк призывал их еще немного подождать, пока не наступит их время: «Пождите мало, буавии сынове русские, будеть ваше время...» (8, с. 178). Наконец «приспе же осмый час дню, духу южну потянувшу сзади нам, възопи же Вльынец гласом великъм: „Княже Владимир, наше время приспе, и час подобный” - и рече: „Братъа моа, друзи, дрѣзайте: сила бо святого духа помогаеть нам”» (8, с. 178). Воины выскочили из засады, смяли ошеломленного противника, и русские войска Дмитрия Донского с божьей помощью одержали полную победу. Из воспроизведенных слов «Сказания» понятно, чего дождался Боброк: решающей помощи Святого Духа. Воевода ждал приметы, свидетельствующей о подходе небесной помощи, при поддержке которой засадный полк переломил бы в пользу русских ход сражения. Такой приметой был «дух южный», появление которого совпало с восьмым часом. Боброк распознал в «духе южном», который можно было принять за простой ветерок, снизошествие божественной благодати на русские войска. Как справедливо заметил В.Н. Рудаков, «реальный Боброк не мог знать (с точностью до часа!) времени, когда татары ошибутся, а природные условия изменятся» (*Рудаков В.Н.* Семантика хронологического указания в древнерусской книжности (на материале «Сказания о Мамаевом побоище») // Букинистическая торговля и история книги. М., 1996. Вып. 5. С. 123).

В таком случае Волынец должен был обладать своего рода качествами человека-мембраны, улавливающего в природных факторах проявление божественных сил. Именно таким особым человеком-ведуном характеризуется Боброк в «Сказании». Дмитрий Донской выказывал ему исключительное почтение, дозволив произвести расстановку войск на Куликовом поле (8, с. 165).

---

* В Летописной повести (1-й пол. XV в.) в составе 4-й Новгородской, 1-й Софийской и др. летописей указаны другие почасовые события Куликовской битвы: она началась в 6-м и закончилась в 9-м часу, о чем более подробно будет сказано ниже.

** В словаре А.Г. Преображенского к слову «подобень» дается отсылка: см. «доба». Одним из толкований слова «доба» указывается 'надобно' (9, Т. 1. С. 187; Т. 2. С. 86). Перевод «времени подобна», как 'времни удобного' (8, с. 179) представляется не совсем удачным.

Особое место в «Сказании» занимает описание сокровенных действий Боброка. Он ложится на землю и долго слушает ее правым ухом. Земля вступает с ним в доверительный контакт: он слышит женские крики и стелания, которые истолковывает, как вести о предстоящем сражении. Боброк даже сперва не решается изложить великому князю узнанное, так как на долю русских выпадали большие потери, хотя они в конце концов и победили. При этом Боброк заметил, что использовал неоднократно описанный метод, чтобы узнать о результатах сражений (8, с. 169). Исследователи и раньше отмечали, что действия Боброка внешне выглядят как языческие (5, с. 302). Они изложены в «Сказании» в контексте христианских представлений и направлены на обретение информации о небесной помощи*. Сама же помощь, по словам Боброка, обеспечивается «молитвой святых страстотерпцев Бориса и Глеба, родичей Ваших (т.е. св. Дмитрия Донского - Р.С.), и прочих чудотворцев, русских хранителей» (8, с. 169).

Особый драматизм Куликовской битвы в «Сказании» обусловлен упорным, в течении почти часа ожиданием воеводы Боброка нужного момента, чтобы наверняка ударить по противнику из засады и победить. Выступление в восьмой час совпало с поддержкой небесных сил, обеспечивших победу над ордынцами русских войск, понесших большие потери в предшествующий седьмой час.

3. «Сербская Александрия» - один из источников рассказа о засадном полке.

Возникает вопрос: автор «Сказания» сам додумался до идеи об оправданном ожидании Боброка или заимствовал ее из какой-то книги? Ею могла быть повесть об Александре Македонском - «Сербская Александрия». С нею автор «Сказания» был знаком, о чем говорит эпизод о том, как Дмитрий Донской передал своего коня, одежду и шлем боярину Михаилу Андреевичу Бренку. Его в Куликовской битве убили ордынцы, приняв за великого князя. Отдавая почести ратному подвигу Бренка, Дмитрий Донской сравнил его с неким Ависом, «который был в войске Дария Персидского и так же, как ты поступил» (8, с. 184). В комментариях об Ависе Л.А. Дмитриев отметил, что описание его подвига «встречается только в „Сербской Александрии“, а античные источники об этом ничего не сообщают» (8, с. 558). Следовательно, автор «Сказания» и в других случаях мог опираться на «Сербскую Александрию». В «Сербской Александрии», в частности, говорилось, что македонский царь Филипп был недоволен своей женой Олимпиадой, которая никак не могла родить наследника. Царица решила обратиться за советом и помощью к египетскому царю-волхву Не-

---

* Несовместимость произведенного Боброком «испытания примет» с ворожбой и волшебством обосновывалась в особом дополнении, включенном в гражданские издания «Синописа» (1714 г.). См.: *Симонов Р.А.* О причине появления дополнения к описанию Куликовской битвы в гражданских изданиях «Синописа» // Тезисы докладов 39-й научно-технической конференции / МГУП. М., 1999. Часть 2. С. 98-100.

ктанаву, о врачебных умениях которого была наслышана. Последний приехал, влюбился в Олимпиаду и решил хитростью овладеть ею. Задуманное ему - удалось путем перевоплощения с принятием божественного образа. Ничего не подозревавшая царица забеременела к радости мужа. Для принятия родов вновь был приглашен Нектанав, который использовал науку своего времени. Обратившись к звездам и книгам, он вычислил наиболее счастливое время для рождения ребенка. При этом Нектанав прорицал примерно так: «Если царица разрешится в текущий час, то родится слабый государь, неспособный на великие дела, если же немного повременит и роды произойдут в следующий час, то ребенок будет великим полководцем и выдающимся правителем». Олимпиада вняла словам Нектанавы, задержала роды и в нужный час произвела на свет Александра Македонского, обладавшего указанными качествами (10, с. 7-10). Общность между трактовкой «счастливого» часа в «Сербской Александрии» и «Сказании» состоит в том, что ситуация вынуждает задержать событие (наступление родов - в первом случае и выступление засадного полка во втором).

Известно еще одно произведение, в котором «обыгрывается» аналогичный мотив «Сербской Александрии», - «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Великого», написанное П.Н. Крекшиным в середине XVIII в. Здесь рассказывается, что 11 августа 1671 г. царь провел ночь с царицей, а на следующий день к Алексею Михайловичу якобы пришел Симеон Полоцкий и поздравил его с зачатием царевича, предрекая, что он будет иметь имя Петр и родится 30 мая 1672 г. При этом Симеон дал восторженную характеристику достоинствам будущего императора. Когда подошли роды, 28 мая, Симеон Полоцкий вновь пришел к царю, а царица «уже рождения скорбию была одержима». Двое суток она мучилась, а Симеон Полоцкий, «став на колени, просил Бога, чтоб еще не родился час».

Алексей Михайлович во гневе сделал ему выговор: «Что вредно прошишь? Царица уже бесчувственна, почти мертвая». На это Симеон Полоцкий якобы сказал: «Аще в первом получасе родится, государь, царевич, век его будет около 50 лет; аще же во втором получасе, век его около 70 лет». Как раз в тот момент родился Петр. Известно, что Петр I прожил 53 года. Может показаться, что произведение П.Н. Крекшина содержит предсказание его возраста, если не знать, что оно делалось после кончины императора в 1725 г., т.е. когда было известно, сколько он прожил лет.

Рассказ П.Н. Крекшина близок к фабуле «Сербской Александрии». Но есть существенное отличие: Олимпиада смогла «дотянуть» до «счастливого» часа, а русская царица - нет. В «Сербской Александрии» дается трактовка «доброму» часу как «носителю» черт, присущих выдающемуся полководцу и правителю, каким был Александр Македонский. П.Н. Крекшин же заранее наделяет Петра I аналогичными качествами, независимо от того, в какой час он должен был родиться. «Качество» часа он связал лишь с длительностью жизни будущего императора, который в этом смысле родился в «несчастливый» час (11, с. 72-73).

4. Логика условий необходимого и достаточного в «Сказании».

«Сербская Александрия» была известна и читаема на Руси в XV веке. Более того, она влияла на создаваемые здесь произведения. Если П.Н. Крекшиным заимствован из нее сюжет о рождении царского наследника, то автором «Сказания» использована отдаленная аналогия. Причем, в «Сербской Александрии» и у П.Н. Крекшина «счастливый» / «несчастливый» час по логике играет роль достаточного условия; в «Сказании» же - необходимого. А именно: чтобы осуществилось прорицание о судьбе новорожденного (хорошее или дурное), достаточно ему было родиться в «добрый» или «злой» час. Для победы в сражении «добрый» час необходим, но не достаточен, т.к. его «доброта» распространяется на обоих противников. Достаточным же условием воинского успеха будет какой-то решающий фактор, способный сокрушить противника. На логику развития сюжета о засадном полке не могла повлиять только «Сербская Александрия», где представлено условие достаточности. В источнике «Сказания», соответствующем нужной логике, должна быть представлена ситуация необходимости, но не достаточности некоего условия. Такая ситуация, например, описана в «Синтагме» видного византийского ученого и духовного писателя XIV в. Матфея Властаря (Властариса). Текст «Синтагмы» стал не позже конца XV в. известен в славянском мире, о чем говорит, сделанный в 1495 г.* славяно-молдавский перевод произведения, а также ссылки Максима Грека на это сочинение в 20-х гг. XVI в. Так, Максим Грек писал, что правилом Матфея Властаря (имеется в виду «Синтагма») не возбраняется знакомство с «мафиматикийскими книгами» (арифметикой, музыкой, геометрией и астрономией - *Р. С.*), но не дозволяется использовать их превратно, в астрологических целях (12, с. 362-363).

У Максима Грека (и его источника - Матфея Вдастаря) математический квадривий рассматривается в качестве необходимого, но не достаточного условия усвоения астрологии. О том, что квадривий понимался ими не как достаточное условие) говорит запрет на использование «мафиматикийских книг» в астрологии. То, что квадривий считается необходимым условием, свидетельствует принципиальная возможность (которая, однако, не допускается) его использования в астрологии. Что, кстати, указывает на «естественнонаучное» ее направление, где необходимы знания, в первую очередь, по арифметике и астрономии, а также геометрии. В «Азбуковниках», которые широко распространялись в XVI-XVII вв. в различных слоях населения, соответствующие сведения связываются с Максимом Греком, но «мафиматикийские книги» характеризуются как отреченные, запрещаемые православием, якобы проклятые отцами церкви (13, с. 252-254). Это искажение взгляда Максима могло произойти в случае намеренного или неосознанного смешения необходимого и достаточного: если матема-

* Турилов А.А. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. С. 78. № 319.

тический квадратный рассматривать в качестве достаточного условия усвоения астрологии, тогда он становится предпосылкой астрологии, ее основой. И только в этом случае «мафиматикийские книги» правомерно заносить в число отреченных, как это сделано в «Азбуковниках».

Итак, проблема необходимого и достаточного была в XVI в. общественно значимой для адекватного понимания творчества духовных мыслителей. Это могло стимулировать автора «Сказания» к художественному осмыслению существа условий необходимого и достаточного в рассказе о засадном полке.

«Сказание» сохранилось в большом числе списков, и не все детали рассказа о засадном полке изложены в них одинаково. Анализ В.Н. Рудакова свидетельствует, что в наиболее ранних вариантах повествования содержалось указание на восьмой час, в который засадный полк атаковал ордынцев (7, с. 137-138). Этот час «Сказания» В.Н. Рудаков связал с существованием на Руси веры в «добрые» и «злые» часы (7, с. 149), т.е. с «управительной» астрологией.

Значит, автор «Сказания» мог опираться еще на один источник - о «добрых» и «злых» часах, например, на подобный тексту «Часы на семь дни: добры и средни и злы», который содержится в «Сборнике», хранящемся в Российской национальной библиотеке (СПб., Кир.-Бел. собр.) №22/1099), переписанном в 1450-1470 гг. известным книгописцем Ефросином (14, с. 7). Это «пособие» по «управительной» астрологии было издано в 1863 г. Н.С. Тихонравовым (15, с. 382-384). Если автор «Сказания» пользовался этим или подобным «пособием», то он ориентировался на приведенные там «качества» часов по дням недели. Рассмотрим эти «качества» для 6-10 часов, как они даны в тексте «Часы семь дни» (см. таблицу 1, здесь сокращения в виде букв означают: д - добрый, с - средний, з - злой).

Таблица 1.

Дни недели Часы	Понедел.	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскрес.
6	д	д	д	с	с	з	з
7	з	з	д	д	д	с	с
8	с	с	з	з	д	д	д
9	д	д	с	с	з	з	д
10	з	д	д	д	с	с	з

Из табл. 1 видно, что «добрым» восьмой час был в пятницу, субботу и воскресенье. Из этих трех дней 7-й час был «добрым» только в пятницу. Следовательно, выбрав пятницу и руководствуясь «пособием» типа текста «Часы на семь дни», автор «Сказания» должен был исходить из того, что «добрыми» были седьмой и восьмой часы, а также ввести в «Сказание»

информацию о том, что Куликовская битва 8 сентября, вопреки истине, была в пятницу. Именно пятница и указывается в древнейших списках «Сказания о Мамаевом побоище» (8, с. 171; 16, с. 96, 165). В действительности же, 8 сентября 1380 г. было субботой, как указано в Летописной повести, и что можно установить на основе таблиц по хронологии (18, с. 46).

В «Сказании» и предшествующей ему примерно на полстолетие Летописной повести есть общие мотивы. Это использование приема почасового описания Куликовской битвы (с различными версиями конкретной «расчасовки») и объявление победы русских помощью со стороны «небесных сил» (*Рудаков В.Н.* Хронологические указания о событиях 8 сентября 1380 г. в памятниках Куликовского цикла // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тезисы докладов и сообщений научной конференции / РГГУ. М., 1996. С. 337-338). Указание другого часового графика течения Куликовской битвы в «Сказании», чем в Летописной повести, выступает косвенным свидетельством использования древнерусским автором данных о «добрых» и «злых» часах. Зададимся вопросом: что ему мешало взять часовую схему битвы такой, как в известной ему Летописной повести? От этого видимость документальности «Сказания» выигрывала. Но часовое расписание Летописной повести не соответствовало показаниям «часовой астрологии», по которым 9-й час русской победы должен быть «добрым», но в пятницу и субботу был «злым» (см. табл. 1). Значит, если автор «Сказания» сознательно отказался от часового расписания Летописной повести, то мог сделать это, руководствуясь источником типа «Часы на семь дней», как бы ставя сокровенные данные выше летописной достоверности.

Ход рассуждений автора «Сказания» мог быть таким. Работая над произведением спустя много лет после Куликовских событий, он посчитал 8 сентября 1380 г. пятницей (по соображениям, которые обсуждаются в конце настоящей статьи). А затем обратился к астрологическому «пособию» о «добрых» и «злых» часах, из него узнал о том, что 7-й и 8-й часы (в пятницу) «добрые», и стал разрабатывать сюжет о засадном полке Боброка с учетом этой информации. В соответствии с ней, «поганые» стали одолевать русские войска, «когда же настал седьмой час дня». Князь Владимир Серпуховской и воины начали понуждать воеводу выступить против татар, но он просил немного повременить: «мало убо потрѣпим» и «пождите мало». Но ждать пришлось целый час, пока не наступил следующий «счастливей» час (восьмой). Следовательно, по тексту «Сказания», Боброк считал «добрым» и седьмой час, допуская, что ждать придется мало, т.к. в пределах седьмого часа может наступить момент «времени подобна».

Логически мысля, автор «Сказания» исходил из «равноправности» «доброего» часа как для русских, так и для их противников - ордынцев. Счастье в бою могло в «счастливей» час сопутствовать как тем, так и другим. В седьмой «доброй» час оно было на стороне ордынцев, которые

стали теснить русских, убив большинство из них: погибло 5/6 состава русского войска*. Успех, последующий за переломом в сражении, мог улыбнуться под воздействием «доброего» часа именно русским в случае резонанса с другим - «чисто русским» - положительным фактором. Таковым в «Сказании» выступает «дух южный». Историки по-разному толковали это словосочетание, но наиболее убедительно его объяснил В.Н. Рудаков: «Мы полагаем, что упоминание «духа южного» было связано с необходимостью описать сцену не батальную, а провиденциальную, сцену, где «дух» знаменовал собой сошествие на помощь русским „силы Святого Духа”» (7, с. 142). Введение в повествование только идеи «доброего» часа не обеспечивало победу именно русским, а включение «духа южного» (в его трактовке как Святого Духа) ее приносило. Так почему автор «Сказания» не ограничился достаточной идеей «духа южного», а использовал избыточный казался бы «ход» «доброего» часа? Дело, по-видимому, в том, что влияние на победу «духа южного» нельзя проверить, а «добрый» час устанавливался сокровенным источником вроде текста «Часы на семьь дни».

Ситуация, связанная с восьмым часом, имеет сходные варианты в списках «Сказания», наиболее близких начальному тексту произведения. В наиболее ранних списках «Сказания» Основной редакции 1-й пол. XVI в. (РНБ. Q.IV.22; РГБ. Ундол. № 578) (8, с. 554) Боброк не знает заранее о начале восьмого часа как «времени подобна» до его наступления (16, с. 44). То же самое в Основной редакции (печатный вариант) по рукописи XVIII в. (РНБ. F.IV.228). Однако, во фразе Боброка: «Токмо в сии час бога призывайте и ждите от него часа, в онь же имать быти благодать божия и христианская помощь» в XIX в. слова «от него часа» были исправлены на «осьмаго часа» (12, с. 122, 378). Смысл изменился кардинально: если первоначально Боброк, не зная о начале «времени подобна», сообщал, что весть об этом должна прийти от Бога, то после исправления получилось, что Боброк изначально владел информацией о 8-м часе, как начале «времени подобна». Последнее толкование представлено в Распространенной редакции «Сказания» по рукописи кон. XVII в. (РНБ. Q.XVII.223) и др. (16, с. 99, 376)**.

Приняв версию о том, что Боброк заранее знал о начале восьмого часа как «времени подобна», В.Н. Рудаков исключил седьмой час из числа «добрых». Это автоматически переводило дату Куликовской битвы 8 сен-

* Кучкин В.А. Победа на Куликовском поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 10.

** В Киприановской редакции засадный полк выступил против татар тогда, когда кончался девятый час (16, с. 191), что объясняется влиянием Летописной повести. Несогласованность редакций «Сказания» в часе выступления засадного полка В.Н. Рудаков объясняет спецификой средневекового восприятия времени (7, с. 144-146). Во всяком случае, идея о девятом часе или девятом часе на исходе, т.е. по существу о десятом часе, как «счастливым» для засадного полка, не находит подтверждения в данных текста «Часы на семьь дни». Здесь в пятницу и субботу 9 и 10 часы не являлись «добрыми» (см. табл. 1).

тября 1380 г. с пятницы (где «добрыми» были 7-й и 8-й часы) на субботу (где 7-й час был «средним», а 8-й - «добрым»): «Возможно, автор „Сказания“ имел основания полагать, что „осмой час“ в субботу 8 (!) сентября 1380 г. (6888 от С. М.) непременно должен быть „счастливым“, отмеченным Божественной благодатью и поэтому благоприятным для победы русских сил» (7, с. 149). Сообщение В.Н. Рудаковым того, что 8 сентября было субботой искажает текст «Сказания», где в ранних списках указана пятница, хотя и соответствует календарно-астрономическому факту (субботе). Кроме того, если согласиться с версией Распространенной редакции (и В.Н. Рудакова), что Боброк заранее знал, что надо ждать восьмого часа, то в тексте «Сказания» возникает противоречие: в начале седьмого часа до наступления «времени подобна» оставался целый час, и получилось, что воевода Боброк, зная об этом, сознательно вводил в заблуждение князя и воинов, говоря, что атаки ждать недолго («пождите мало»).

Древнерусский автор, как свидетельствуют наиболее ранние списки «Сказания», использовал тонкий в логическом отношении подход, моделирующийся понятием «условие». В современной трактовке, «условие, то, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий); из наличия к(ото)рого с необходимостью следует существование данного явления. Весь этот комплекс в целом называют достаточными у(словиями) явления. Если из всех возможных наборов достаточных у(словий) отобрать общие, получим необходимые у(словия), т.е. у(словия), к(ото)рые представлены каждый раз, когда имеет место обусловливаемое явление» (19, с. 707). Применительно к сюжету о засадном полке Боброка, достаточным условием успешности его выступления, является помощь Святого Духа, признаком и олицетворением которого служит «дух южный». Необходимым, но не достаточным, условием воинского успеха (равно для ордынцев и русских) является «добрый» час. В «недобрый» час («средний» или «злой») победу ни ордынцы, ни русские одержать не могли. В «добрый» же час должны одолеть врага те, у кого будет достаточное условие для этого. У ордынцев его не оказалось, хотя предпосылки были: они стали теснить русских в «добрый» седьмой час. У русских достаточное условие для победы (помощь Святого Духа) возникло с началом «доброе» восьмого часа, т.е. с наступлением «времени подобна», и они в битве взяли верх.

Сейчас смысл необходимого и достаточного условия усваивается, в частности, при изучении элементов математики в средней и высшей школе, например, в разделе об экстремуме (20, с. 360-361). Смысл условий необходимого и достаточного был доступен и отдельным древнерусским книжникам, в частности, автору - «Сказания о Мамаевом побоище», какой он и отразил в сюжете о засадном полке.

То, что автор «Сказания» осознавал разницу между логикой необходимого и достаточного, также свидетельствует неупотребление им названий «счастливым» или «добрый» час. Применение такого именованья к вось-

мому часу, как допускает В.Н. Рудаков (в подлиннике «Сказания» этого не было), превращает «добрый» восьмой час в достаточное условие русской победы на Куликовом поле. Это не входило в замысел автора «Сказания», как уже говорилось, поскольку он «доброту» 7 и 8 часов трактовал в качестве необходимого условия победы вообще (неважно русских или ордынцев), то назвав «добрым» восьмой час) он по логике должен был этим словом также назвать и седьмой час. Но это противоречило задаче повествования, т. к. получилось бы, что успех ордынцев в 7-м часу - это своего рода добро, тогда как основной замысел «Сказания» заключался в обосновании победы русских над недобрыми «погаными». Поэтому молчание о 7-м и 8-м часах, как «добрых», обусловлено логикой повествования, и говорит о незаурядном интеллекте автора «Сказания». Вероятно, природная логичность мышления накладывалась у автора «Сказания» на восприятие логики теологических рассуждений, таких как у Матфея Властаря и Максима Грека, и это сочетание дало отраженный в рассказе о засадном полке логический эффект необходимого условия.

Хотя в «Сказании» нет ни слова о «счастливом» или «добром» часе, это понятие в нем представлено, будучи связанным со словосочетанием «времени подобна». Последнее означает момент, когда сила Святого Духа вмешалась в Куликовскую битву, сокрушив неверных. Момент «времени подобна» мог произойти в любой из «добрых» часов, 7-й или 8-й. Его Боброк ждал почти с начала 7-го часа, но наступил он с приходом 8-го часа, став из «доброты» как бы самым или наиболее «добрым» для русских войск. «Доброта» 8-го часа понималась древнерусскими читателями. Об этом свидетельствует редакторское дополнение первоначального текста «Сказания» словами о том, что Боброк якобы заранее знал о наступлении «времени подобна» в начале 8-го часа (Распространенная редакция, списки XIX века печатного варианта Основной редакции). Вслед за этими редакторами и современный исследователь (В.Н. Рудаков) допускает, что автор «Сказания» считал 8-й час «счастливым» для победы русских войск (7, с. 149).

5. Подтверждение атрибуции «Сказания», выдвинутой Б.М. Клоссом.

Долгое время историки не атрибутировали «Сказание» определенному историческому лицу, а датировка произведения охватывала чуть ли не столетний период: от 1-й четв. XV до рубежа XV-XVI вв. (6, с. 371-384). Недавно Б.М. Клосс совершил «прорыв» в этом вопросе, обосновав, что «Сказание о Мамаевом побоище» написал епископ Митрофан Коломенский в 1507-1518 гг. (21, с. 253-262). Б.М. Клосс применил следующий исследовательский прием. В содержании «Сказания» он выделил шесть особенностей, характеризующих личностные и биографические приметы предполагаемого автора, и через них «вышел» на Митрофана. При этом Б.М. Клосс не касался сюжета о засадном полке. Если его учесть, то можно будет выделить еще одну особенность автора «Сказания», состоящую в интересе к феномену «добрых» и «злых» часов и логике. Посмотрим, как эта особенность согласуется с реалиями биографии Митрофана Коломенского.

Он был сыном своего времени и поэтому важно учитывать, какое отражение в русском обществе имели сокровенные и научные знания в начале XVI в. Примечательно, что когда были обнаружены в Ассеманьевом евангелии XI в. приписки XII-XIII вв. о «злых» днях, то ученые не могли понять, как в основной богослужебной книге появились осуждаемые церковью отреченные записи. Изучив вопрос, видный русский славист акад. М.Н. Сперанский пришел к выводу, что традиция установления неблагоприятных («злых») дней, восходящая к античности или еще более древним временам, соответствовала в XII-XIII вв. представлениям славянских церковных служителей о полезности гаданий, ворожбы и др. сокровенных знаний (22, с. 45-52). Вера в «добрые» и «злые» дни и часы разделялась простым народом и привилегированными слоями на Руси и многие годы спустя*.

Кажется, лишь в 1-й четверти XVI в., до 1524 г., с внятной критикой веры в «злые» часы выступил известный публицист Филофей. Причем, он их соотносил с рождением детей (13, с. 39, приложения). Из этого можно заключить, что к 20-м гг. XVI в. в русском обществе вера в «добрые» и «злые» часы получила достаточно широкое распространение, особенно при установлении судьбы новорожденного (23, с. 52-53). Поэтому допустимо предположить, что автор «Сказания» мог не только знать, но и осмысливать идею о «добром» часе, отразив результат этого в эпизоде о засадном полке.

Интерес к сокровенным и научным знаниям не был в русском обществе равномерным. В конце XV - начале XVI вв. он, по-видимому, с наибольшей силой аккумулировался в ереси «жидовствующих». Не вызывает сомнения точка зрения Д.С. Лихачева об интенсивных занятиях этими еретиками астрологией и логикой (24, с. 152). Недавно стал известен новый штрих, характеризующий это, - в дополнение к мнению о принадлежности им перевода «Логик» и астролого-астрономического «Шестокрыла». Израильский ученый М. Таубе исследовал в качестве «Логик» «жидовст-вующих» русский перевод кон. XV в. трактата Маймонида в сравнении с еврейским подлинником. В свое время мне со Н.И. Стяжкиным довелось изучать этот перевод (25, с. 132-143), но нам, как правильно пишет Моше Таубе, «были недоступны еврейские оригиналы текстов» (26, с. 240). М. Таубе установил, что переводчик прибавил к тексту Маймонида фрагмент, «придававший всему сочинению идеологическую окраску гуманистического, прогрессивного и универсального толка, что по его мнению, должно было понравиться адресатам» (26, с. 246), т.е. представителям новгород-

---

* По мнению Г.Е. Куртика, «среди церковных деятелей было немало сторонников астрологии. Они полагали, что течение звезд подчинено Богу, и проводили грань между научной астрологией и ее популярными формами (в которых можно было встретить магию) молитвы, обращенные к божествам-планетам)» (Куртик Г.Е. Ранние этапы развития астрологии // Саплин А.Ю. Астрологический энциклопедический словарь. М., 1994. С. 29).

ско-московской ереси «жидовствующим». Добавление включает данные о разделении наук, причем с астрологией в их составе: «четыре первые математические: 1) музыка, 2) арифметика, 3) геометрия, 4) астрология. Три вторичные, божественная философия: 1) грамматика, 2) риторика, 3) диалектика» (26, с. 246).

В послании архиепископа Геннадия 1487 г. епископу Прохору Сарскому изложена более архаичная система математических наук, содержащая астрономию, а не астрологию: «арифметику и геометрию и музику и астрономию» (27, с. 311). В перечне математических наук, даваемых Франциском Скориной (1517-1519 гг.) и Максимом Греком (1523-1524 гг.) четвертой указана астрономия, а не астрология. Николай Слфарий и Петр Долгово на месте астрономии среди дисциплин квадривия указали астрологию в 1672 г. в «Книге избранной вкратце» (28, с. 346-348, 367-368). Этот факт, наряду с другими, характеризует своего рода астрологический бум при дворе Алексея Михайловича, наступивший во второй половине XVII в. «Жидовствующие» в пропаганде астрологии на два века опередили время. Причем, эта пропаганда велась в рамках логики. Идеи еретиков получили распространение при Московском дворе, вызвав определенное сочувствие и интерес у великого князя Ивана III, а особенно у его снохи, которая покровительствовала «жидовски мудрствующим». Однако церковь оказала яростное сопротивление этим новациям и в конце концов еретики были осуждены и сурово наказаны церковным собором 1504 г., вплоть до сожжения ряда из них. Все-таки астрологическая пропаганда сыграла свою роль, о чем, в частности, свидетельствует один малоизвестный факт. В «Сказании о князьях владимирских», написанном при великокняжеском дворе или по его заказу не позже 1527 г. (29, с. 370-371), астроном Гандуварий (по хронографам и «Посланию» Спиридона - Саввы) превратился в астролога (30). В этой трансформации, возможно, сказалось влияние классификации наук, пропагандировавшейся «жидовствующими», - с астрологией на месте астрономии.

В Западной Европе в XV-XVI вв. астрология была своего рода методологией «донаучного» естествознания, особенно средневековой медицины. На медицинских факультетах университетов она до начала XVIII в. оставалась учебным предметом. При этом университетская «естественнонаучная» астрология боролась с «народной» и «управительной», типа веры в «добрые» и «злые» часы. Очевидно, «жидовствующие» пропагандировали «естественнонаучную» астрологию, судя по «Шестокрылу». Эта пропаганда накладывалась на существовавшую на Руси традицию веры в «добрые» и «злые» дни и часы. Есть данные о том, что древнерусские интеллектуалы оценивали астрологию «жидовствующих», решая «работает» она на «управительную» астрологию или нет, и приходили к выводу о бесполезности первой. Еще в 1897 г. К. Голоскевич отмечал, что упомянутый выше Филофей скептически оценивал в одном из посланий возможность «Шестокрыла» для расчета «добрых» часов: «И если кто по Шесто-

крылу начнет считать добрые часы*, - читаем в послании, - тот употребит огромный труд, предпримет великий подвиг, а пользы не найдет никакой, он высчитает только затмение лунное или солнечное» (32, с. 17).

По-видимому, при дворе Ивана III обсуждались аналогичные проблемы, связанные с традицией веры в «добрые» и «злые» дни и часы, что, возможно, стимулировалось также и борьбой с астрологической пропагандой «жидовствующих». Очевидно, участвовал в этих спорах и Митрофан, который был духовником великого князя, т.е. его исповедником и «духовным врачевателем». Придворная деятельность Митрофана приходилась на последние годы жизни Ивана III, скончавшегося в 1505 г.; с 1507 г. Митрофан становится епископом Коломенским. Как говорилось выше, идеологическое крушение, сопровождавшееся физической расправой, «жидовствующие» понесли в результате церковного собора 1504 г. Первоначально симпатизировавший им великий князь переменил свое отношение перед смертью, т.е. в период тесного общения с Митрофаном. Нетрудно представить, что они одинаково осуждающе в этот период относились к «жидовски мудрствующим» еретикам. По-видимому, у Митрофана вызывала неприятие пропаганда ими идей «естественнонаучной» астрологии, в связи с чем, может быть, обострился интерес к осмыслению веры в «добрые» и «злые» дни и часы. Таким образом, Митрофан, судя по его положению придворного духовного деятеля, мог не только знать понаслышке о «добрых» и «злых» часах, но и интересоваться ими специально.

Что конкретно могло привлечь внимание придворного деятеля в этом вопросе? По-видимому, согласование предсказательных рекомендаций с государственными интересами. Как говорилось выше, популярной была идея о прогнозировании судьбы новорожденного по часу его рождения. Она получила отражение и в художественной литературе («Сербской Александрии», впоследствии в произведении П.Н. Крекшина о Петре I). Именно ее порицал Филофей в богословских позициях. Он при этом использовал логику, рассуждая так: если Бог сотворил «злые» дни и часы, и человек, родившийся в такой час, заранее предназначался для злодейства, то Бог, наказывая за это, поступал несправедливо, т.к. сам повинен в его зле. Получалось противоречие: Бог не мог быть одновременно и справедливым, и санкционирующим «злые» дни и часы; значит, вера в божью справедливость несовместима с верой в «злые» дни и часы. Эту аргументацию позже поддерживали К. Голоскевич и В. Малинин (23, с. 52). Вероятно, подобные возражения против веры в «добрые» и «злые» дни и часы православных theologов доходили до двора Ивана III и были известны Митрофану.

---

* В списках послания Филофея в словах «...по Шестокрылу считают добрая часы...» встречается в разночтениях вариант «дробныа часы» (13, с. 38, приложения), которому в последнее время отдается предпочтение как основному (31, с. 442). См. также: *Синицина Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 340.

В русских сокровенных текстах, преимущественно переводных, пророчества по «добрым» и «злым» дням и часам давались не только на рождение детей, но и по поводу сохранения скота, сельскохозяйственных посадок, лечения болезней, толкования снов, осуществления денежных операций, путешествий и торговли. Однако, как отмечает В.В. Колесов, среди них «нет ни воинских, ни государственных дел» (33, с. 299). Это не значит, что такие не интересовали русских монархов. Князь А.М. Курбский писал, что Иван Грозный справлялся у профессиональных магов о «счастливых» днях военных сражений, подобно основателю Израильско-Иудейского царства (кон. XI в. до Р. Х.) Саулу, который прославился как полководец, прибегавший к услугам женщины-чародейки (34, с. 103). Возможно, осуждая также, как примерно в то же время Филофей, веру в «добрые» и «злые» дни и часы в быту, Митрофан мог анализировать возможность обращения к сокровенным знаниям в военно-государственных целях.

Если в дополнение к шести характеристикам автора «Сказания», рассмотренным Б.М. Клоссом, добавить седьмую, состоящую в осмыслении феномена «добрых» и «злых» часов вообще и применительно к военным событиям в частности, то этому не будут противоречить реалии биографии Митрофана Коломенского. Значит, авторство в написании им «Сказания» окажется еще обоснованнее.

6. Уточнение датировки «Сказания».

Ретроспективные расчеты по хронологии на Руси под силу были немногим, и известны с конца XVI в.* Поэтому древнерусский автор мог взять день недели 8 сентября того года, который был связан с написанием «Сказания». В.А. Кучкин, исследовавший в 1990 г. вопрос о времени создания «Сказания», заключил: «...есть веские основания считать, что «Сказание о Мамаевом побоище» появилось в начале XVI в.» (35, с. 114). Следовательно, «пятничный» год 8 сентября следует искать между началом XVI в. и 1518 г. (с учетом датировки Б.М. Клоссом «Сказания» 1507-1518 гг.).

Б.М. Клосс в приватной беседе обратил мое внимание на то, что в списках «Сказания», начиная с одного из древнейших - РГБ, Ундол., № 578, датируемого 2-й четр. XVI в. (36, с. 135), указаны дни недели памяти некоторых святых, которые необходимо учесть для датировки произведения. А именно:

1. «Приспе же тогда день въскресения, на память святых мученик Флора и Лавра» (36, с. 150-151). В примечаниях к тексту говорится: «Память Флора и Лавра отмечалась 18 августа. В 1380 г. 18 августа приходилось на субботу, а не на воскресенье» (36, с. 206).

2. «И приспевшу четвергу, августа 27, на память святого отца Пимена Отходника...» (36, с. 152). В примечаниях к тексту указывается: «Память

---

* См.: *Симонов Р.А.* 988 - год христианизации Руси в календарном образе креста у Иоаны Соловецкого // *Гербовед.* 1999. № 2 (34). С. 134-138.

Пимена Великого действительно отмечалась 27 августа, но в 1380 г. 27 августа приходилось не на четверг, а на понедельник» (36, с. 207).

3. «Прииде на Коломну в субботу на память святого отца Моисея Мурина» (36, с. 158). В примечаниях сообщается: «Память Моисея Мурина отмечалась 28 августа. В 1380 г. 28 августа приходилось не на субботу, а на вторник» (36, с. 210).

Включение августовских памятей в канву «Сказания» выглядит искусственным. Так, если верить записи о дате памяти св. Флора и Лавра, то получается, что великий князь Дмитрий Иванович 18 августа находился в Троице-Сергиевом монастыре. Но в таком случае он никак не мог быть в Коломне 15-20 августа, как о том говорится в Летописной повести и «Сказании». Исследователями эта несуразица рассматривается в качестве свидетельства того, что эпизод «о пребывании Дмитрия московского в Троице-Сергиевом монастыре перед выступлением против Мамаю... был придуман составителем „Сказания“» (36, с. 207). Если верить записи о памяти св. Пимена, то 27 августа Дмитрий Иванович находился в Москве. Но это «противоречит свидетельству Летописной повести о том, что как раз 27 августа Дмитрий переправился через Оку у впадения в нее Лопасни» (36, с. 207). Если верить записи о памяти св. Моисея Мурина, то получается, что Дмитрий Иванович вошел в Коломну 28 августа. Эта дата противоречит информации о том, «что уже 20 августа великий князь Дмитрий выступил из Коломны к устью р. Лопасни» (36, с. 207) и «совершенно не согласуется с хронологией Летописной повести и с указанием самого «Сказания» о сборе войск в Коломне к 15 августа» (36, с. 210).

Создается впечатление, что автор «Сказания» специально вносил указанный разницей, чтобы внимание читателей «зацепилось» за даты памятей: их внеисторичность кажется нарочитой. Следует учесть, что выдержек с датами в «Сказании» встречается примерно полтора десятка, но только указанные три* удовлетворяют следующим условиям: 1). Они явно содержат имена святых; 2). В них явно названы дни недели; 3). Исторические события в них не согласуются с историческими фактами (36, с. 207, 210). Все они сосредоточены на десятидневном «пятакке» от 18 до 28 августа.

Три внеисторические памяти не соответствуют 1380 г. - году Куликовской битвы (по дням недели) так же, как пятница 8 сентября. Можно предположить, что дни недели всех четырех дат (включая память Рождества св. Богородицы 8 сент.) относятся к периоду написания «Сказания». В пользу этого мнения говорит также одно любопытное совпадение арифметического характера. Сумма дат памятей равна 81 ($18+27+28+8=81$) (см. табл. 2).

---

* Четвертая память св. Феодорита с датой и днем недели (18 мая, субб.) - встречается в позднем варианте «Сказания» редакции Летописца кн. И.Ф. Хворостина конца 40-х гг. XVII в., известном в единственном экземпляре (36, с. 251, 271).

Таблица 2.

Память	Число	День недели	Год	Числа Козерога
Флора и Лавра	18 августа	Воскресенье	1504	18
Пимена	27 августа	Четверг	1506	
Моисея Мурина	28 августа	Суббота	1507	28
Рождества Богородицы	8 сентября	Пятница	1508	8
Сумма дат	81			

Сумма «малых годов»* для 1503-1508 гг. выраженных в зре от СМ, также равна 81 (см. табл. 3).

Таблица 3.

Год	PX СМ	1503 7011	1504 7012	1505 7013	1506 7014	1507 7015	1508 7016	Сумма
«Малый год»		11	12	13	14	15	16	81

Если такое совпадение не случайно, то можно следующим образом представить ход мыслей автора «Сказания». Он закончил работу над произведением в 1508 г. и, очевидно, знал, что Куликовская битва 8 сентября 1380 г. была в субботу, как о том говорится в летописях и списках «Задонщины» пространной редакции (см. табл. 4).

Таблица 4.

День недели Рождества свят. Богородицы (8 сент. 1380 г.)	Памятники
Суббота	Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожск. летописца и Симеоновск. летописи (36, с. 9-10)
Суббота	Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи (16, с. 23)
Суббота	Рассказ о Куликовской битве в Софийск. I летописи старшего извода (36, с. 35)
Суббота	Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи (36, с. 73)
Суббота	Пространная редакция «Задонщины» по Синадальному списку (36, с. 101)
Суббота	Пространная редакция «Задонщины» по списку В.М. Ундольского (36, с. 117)
Суббота	Пространная редакция «Задонщины» по списку ГИМ (36, с. 129)

* «Малым годом» называется часть годовой даты в зре от «сотворения мира» (СМ), выражающая единицы и десятки. Так, в записи 7011 (1503) г. «малым годом» будет 11. Понятие «малого года» использовалось в XIV-XVI вв. в хронологии Византии, у южных славян и на Руси (37, с. 13-15; 38, с. 15-22).

Однако 8 сентября в 1503 и 1508 гг. приходилось на пятницу. Указание пятницы для 8 сентября недостаточно для выделения граничных годов работы над «Сказанием» (1503 и 1508 гг.). Поэтому он в неявной форме выразил дату «Сказания» 1503-1508 гг. суммой «малых годов» всех лет интервала (7011, 7012, 7013, 7014, 7015, 7016) и получил 81. Это число он зашифровал в тексте произведения памятными с недостоверной исторической информацией, «привязав» их к годам датировочного интервала днями недели (см. табл. 2).

Для «чистоты эксперимента» необходимо рассмотреть другие интервалы, сумма «малых годов» которых равна 81. Годов должно быть не менее четырех (по числу памятней). За весь XV и первую половину XVI в. есть только один искомый интервал 1403-1408 гг. с «малыми годами», точно как у выявленного ранее интервала 1503-1508 гг. Однако в нем отсутствует совпадение памятней по дням недели со «Сказанием» (см. табл. 5).

Таблица 5.

«Сказание»		1403	1404	1405	1406	1407	1408
Память	Число и день недели	(6911)	(6912)	(6913)	(6914)	(6915)	(6916)
Флора и Лавра	18 августа воскресенье	суб.	пон.	втор.	ср.	чет.	суб.
Пимена	27 августа четверг	пон.	ср.	<u>чет.</u>	пят.	суб.	пон.
Моисея Мурина	28 августа суббота	втор.	чет.	пят.	<u>суб.</u>	вос.	вт.
Рождества Богородицы	8 сентября пятница	суб.	пон.	втор.	ср.	чет.	суб.

Из таблицы 5 следует, что в интервал 1403-1408 гг. не попадают память св. Флора и Лавра (18 авг., воск.) и Рождество Богородицы (8 сент., пятн.). Память св. Пимена (27 авг., чет.) встречается в 1405, а память св. Моисея Мурина (28 авг., суб.) - в 1406 гг. Этого недостаточно для заключения, что интервал 1403-1408 гг. отвечает последовательности памятней «Сказания», как это имеет место в случае интервала 1503-1508 гг. (см. табл. 6).

Таблица 6.

Год	1403	1404	1405	1406	1407	1408
Число и день недели памяти	нет	нет	27 авг. четв.	28 авг. суб.	нет	нет
Год	1503	1504	1505	1506	1507	1508
Число и день недели памяти	8 сент. пятн.	18 авг. вос.	нет	27 авг. чет.	28 авг. суб.	8 сент. пят.

Значит, нет других интервалов в пределах XV - сер. XVI вв. с суммой «малых годов» 81 кроме 1503-1508 гг., где бы имелись рассматриваемые памяти святых в последовательности тех же дат и дней недели, как в «Сказании».

Чем руководствовался автор «Сказания», выбирая даты 18, 27, 28 августа и 8 сентября для памятей? Только одна из них имеет историческое значение - 8 сентября - день Куликовской битвы. Она имеет и астрологический смысл, являясь одним из трех так называемых счастливых чисел Козерога: 8, 18, 28 (39, с. 371).

Два остальных числа Козерога совпадают с датами двух памятей 18 и 28 августа. Сумма чисел Козерога равна 54 ($8+18+28=54$). Вычитая 54 из 81, получим число памяти 27 августа. Для Митрофана 27 было памятным числом, связанным с кончиной 27 октября 1505 г. его «духовного сына» великого князя Ивана III*. Кстати, распределение внеисторических памятей по годам исключает 1505 г. вместе с разнобоем в трактовке исторических данных.

В конце XV в. на Руси произошла смена календарных стилей: вместо мартовского новогодия стали употреблять сентябрьское (18, с. 22). Переход на сентябрьский стиль был не одномоментным, а растянулся на некоторое время. Очевидно, приверженность старому, мартовскому стилю сохраняли в большей степени зрелые люди. В палеографии существует правило, учитывающее возраст писцов: рукопись, переписывавшаяся зрелым писцом, будет иметь более архаичные графические черты, чем рукопись, переписывавшаяся молодым. По-видимому, это правило можно распространить и на смену стилей в хронологии. При переходе на новый стиль зрелый человек будет дольше использовать старый стиль, чем молодой.

В начале XVI в. Митрофану, очевидно, было за сорок, т.к. настоятелями крупных монастырей и архиереями обычно становились не ранее 40. О том, что Митрофан был зрелым человеком говорит также его положение духовника великого князя, которому было уже за 60. Поэтому можно допустить, что в период работы над «Сказанием» в 1503-1508 гг. Митрофан скорее употреблял мартовский, чем сентябрьский стиль. Как говорилось выше, в 1505 год он не включил датировочную память, причиной чего может быть уважение к памяти усопшего Ивана III. Хронологически это обеспечивает только мартовский стиль 1505 (7013) года, а при сентябрьском стиле в 1505 (7014) год попадает память св. Пимена - 27 августа, четверг. Значит, если год смерти великого князя Митрофан намеренно оставил «пустым», то это мог быть только мартовский 1505 (7013) год, что говорит в пользу применения им мартовского стиля (см. схему 1).

Решающим фактором использования Митрофаном мартовского новогодия является то, что только в рамках мартовского года сумма «малых годов» для 1503-1508 гг. в зре от СМ равна 81. В рамках сентябрьского года она равна 87 ($12+13+14+15+16+17=87$) (см. схему 1).

---

*Официально Иван III называл Митрофана «отец мои духовной» (40, с. 364).

Стиль

Янв. 1503 1.1. 1504 1.1. 1505 1.1. 1506 1.1. 1507 1.1. 1508 1.1.
 ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^
 1.1

Сен. 7011 1.9 7012 1.9. 7013 1.9. 7014 1.9. 7015 1.9. 7016 1.9. 7017 1.9.
 ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^
 1.9.

1.3.
 v v v v v v v v
 Март. 7011 1.3. 7012 1.3. 7013 1.3. 7014 1.3. 7015 1.3. 7016 1.3.

То, что даты памятей совпадают с числами Козерога, по-видимому, не случайно. Но надо объяснить, почему именно Козерога, а не другого знака зодиака. Источники свидетельствуют, что астрологический знак Козерога в XV-XVI вв. «управлял» Великим княжеством Литовским, Новгородом и Москвой*. Соответствующие выдержки из древнерусских рукописей XVI в. опубликовал в начале XX в. А.И. Соболевский (41, с. 141, 143). Политическая цель Ивана III именоваться государем «всех Руси» и тем самым претендовать на русские территории, временно отошедшие к Польше и Литве, «подпиться» астрологической трактовкой единства русских земель через общего управителя - Козерога. Документально об этом свидетельствует изображение Козерога в виде единорога на представительской золотой монете Ивана III - «корабельнике» (42, с. 75-79). Один из ближайших к Ивану III придворных, Митрофан, мог знать о «покровительственном» значении Козерога для Руси. Факт совпадения одного из счастливых чисел Козерога (8) с датой победоносной Куликовской битвы 8 сент. служил дополнительным свидетельством благотворного покровительства Козерога Руси.

Приведенные выше соображения относительно дат памятей «Сказания» можно разложить на такие «полочки»:

1. Ни одна из дат памятей не соответствует 1380 г. по дню недели, включая центральную дату Куликовской битвы - 8 сентября. Эпизоды, связанные с датами памятей (кроме 8 сентября), не имеют исторического значения, и могут рассматриваться как придуманные автором «Сказания», см. также (36, с. 207).

2. Три из четырех дат совпадают с тройкой так называемых счастливых чисел (8, 18, 28) Козерога, по некоторым источникам XVI в. - астроло-

* Сейчас Литвой и Латвией «управляет» Телец (39, с. 367), Калининградской областью - Водолей, а «покровительство» Козерога распространяется на Сибирь (39, с. 368).

гического управителя (покровителя) Москвы. Математическая вероятность совпадения чисел Козерога с датами памятей очень мала. Поэтому нельзя исключать, что автор «Сказания» намеренно «подверстал» к действительно счастливой для Москвы дате Куликовской победы 8 сент. и два других числа (18, 28). Четвертое число 27 получается автоматически как разность между суммой чисел памятей ($8+18+28+27=81$) и суммой чисел Козерога ($8+18+28=54$): $81-54=27$. Автор «Сказания» расположил даты памятей (с днями недели включая память Рождества Богородицы 8 сентября - день Куликовской битвы, в промежутке 20-ти дней. Почему памяти не разбросаны по всему произведению, а сконцентрированы в удивительной близости друг к другу? Нельзя ли это расположение памятей и сумму их дат рассматривать в качестве «ключа» к «замку-шифру», оставленному автором «Сказания»?

3. Особенности такого «ключа» диктуют направление поиска соответствующего «замка». Так как по дням недели даты памятей не соответствуют 1380 г., то «ключ» задает (одной из первоочередных) задачу выявления временных интервалов, в которых памяти по датам и дням недели следуют в том же порядке, что и в «Сказании». С учетом гипотез о времени написания произведения целесообразно ограничить поиск «замка» периодом XV - сер. XVI вв. Поиск выявил единственный интервал 1503-1508 гг., в котором «ключ» соответствует «замку»:

а) памяти в обрамлении Куликовской даты - 1503 г. (8 сент., пятн.) и 1508 г. (8 сент.) пятн.) - идут в последовательности «Сказания»: 1504 г. (18 авг., вос.), 1506 г. (27 авг., чет.), 1507 г. (28 авг., суб.);

б) сумма «малых годов» лет интервала 1503-1508 гг. в зре от СМ по мартовскому стилю (7011-7016 гг.) равна 81 ($11+12+13+14+15+16=81$).

4. Такое совпадение трудно считать случайным. Очевидно, перед нами редкий образец зашифровки хронологической информации в средневековом художественном произведении. Эта информация не имеет отношения к содержанию «Сказания», не добавляет к нему новых данных (а только вносит разнობой в исторические эпизоды, связанные с датами памятей). Зашифровка может иметь отношение ко времени создания произведения. Возможно, автор зашифровал время работы над «Сказанием» - 1503-1508 гг. Почему он датировочный интервал не привел явно? Здесь, очевидно, необходимо учитывать психологию средневекового автора. Создавая текст спустя около ста лет после отражаемых исторических событий, он ощущал себя их своеобразным участником и вольно или невольно передавал это ощущение читателям. Указание настоящей (поздней) даты «Сказания» могло помешать этому.

5. Датировка «Сказания» 1503-1508 гг. согласуется с результатами В.А. Кучкина (1990 г.) и Б.М. Клосса (1997 г.). Первый обосновывал, что произведение написано в начале XVI в., а второй, считая автором «Сказания» еп. Митрофана, относил время появления текста к 1507-1518 гг., когда епископ возглавлял Коломенскую епархию. Новая датировка показывает, что Митрофан начал работать над «Сказанием» в 1503 г. в Москве, буду-

чи архимандритом-настоятелем Андроникова монастыря и духовником Ивана III, а закончил в 1508 г. в Коломне. Авторство Митрофана как будто бы подтверждает отсутствие в 1505 г. датировочной памяти. В 1505 г. умер «духовный сын» Митрофана великий князь Иван III. По этой причине Митрофан в том году, по-видимому, меньше уделял внимания мирским делам, включая работу над «Сказанием», и исключил 1505 г. из числа лет, «охваченных» памятями.

6. Кажется, что зашифровка времени написания «Сказания» (1503-1508 гг.) сложна. Но только на первый взгляд. Сакраментальное число 81 автор мог получить сравнительно легко как аналог словесной датировки типа: «Начал писать в 11-е, а закончил в 16 лето» (с учетом, что тексты датировались и «малыми годами»). После этого число 81 было разложено на слагаемые, отталкиваясь от триады Козерога (8, 18, 28); получилось: 8, 18, 27, 28. На идею о «привязке» полученных чисел к памятям святых автора могло навести следующее совпадение: и в 1503 г. (начало работы), и в 1508 г. (окончание) Рождество св. Богородицы 8 сентября приходилось на пятницу. Указать пятницу вместо действительной субботы для Куликовской битвы это значило предварительно датировать текст (1503-1508 гг.), как бы сказав «а». Сказать в датировке «б» - это найти дни недели для памятей святых промежуточных годов в ближайшем для 8 сент. августе: 18 авг. 1504 г., 27 авг. 1506 г. и 28 авг. 1507 г. (1505 г. по причине смерти Ивана III не брался в расчет).

7. Как «выбирались» святые и устанавливались дни недели дат, примерно ясно. По святцам следовало, что 18 августа праздновалась память св. флора и Лавра, день недели этой даты в 1508 г. (когда окончательно редактировалось «Сказание») был пятницей. Отсюда нетрудно установить, что за 4 года раньше, в 1504 г. 18 авг. (с учетом «скачка» через один день из-за високоса в 1508 г.) было воскресенье, что и вошло в текст «Сказания». Аналогично, по святцам устанавливалось, что 27 августа праздновалась память св. Пимена. Так как день недели этой даты в 1508 г. приходился на воскресенье, то нетрудно найти, что за два года раньше, в 1506 г. 27 авг. (с учетом високоса в 1508 г.) был четверг, что и вошло в текст «Сказания». Также по святцам выяснялось, что 28 авг. была память св. Моисея Мурина. Поскольку день недели этой даты в 1508 г. приходился на понедельник то нетрудно установить, что за год раньше, в 1507 г. 28 авг. (с учетом високоса в 1508 г.) была суббота, что и вошло в текст «Сказания». Не вставая от стола, автор «Сказания» за один присест мог определить, что 18 авг. 1504 г. в день св. Флора и Лавра было воскресенье, 27 авг. 1506 г. в день св. Пимена - четверг, 28 авг. 1507 г. в день св. Моисея Мурина - суббота, и эту информацию о днях недели внести в текст. Может быть, экономией усилий и объясняется сосредоточение памятей в августе неподалеку от 8 сент., когда еще были свежи в голове автора дни недели дат 18, 27, 28 авг., 8 сент. 1508 г., а не его стремлением облегчить потомкам задачу по расшифровке даты «Сказания». Хронологическая информация «через памяти» была внесена в текст после окон-

чания работы над произведением, или после описания центрального события - Куликовской битвы 8 сент. В таком случае понятно, почему эпизоды, связанные с августовскими памятниками, расходятся с историческими событиями. Если бы памяти вносились в текст не спустя какое-то время, а попутно ходу изложения, то больших сбоев в исторических трактовках могло не произойти.

Итак, в разложенном по «полочкам» виде гипотеза о датировке «Сказания» 1503-1508 гг. кажется еще убедительнее.

7. Значение логического и астрологического осмысления явлений древнерусскими интеллектуалами в первые десятилетия XVI в.

В «Сказании» еп. Митрофан Коломенский использует трактовку «доброе» часа в качестве необходимого, но не достаточного условия военной победы. Так как оба противника победить одновременно не могли, то победа доставалась тому из них, кому лучше помогает его Бог. Таким образом, вера в «добрый» час, не отменялась, а как бы подчинялась официальной религии церкви. Тем самым «управительная» астрология обретала право на существование в качестве своего рода предварительного условия боевых действий. В «недобрый» час сражений не следовало затевать вообще, а в «добрый» - решающая роль отводилась не «управительной» астрологии, а божественному промыслу.

В 20-х гг. XVI в. Максим Грек фактически включает (со ссылкой на Матфея Властаря) математику в разряд самоценного знания путем ее трактовки как необходимого, но не достаточного условия существования астрологии. В результате математика приобретала статус дисциплины (на которую опиралась астрология), имеющей право на независимое существование. Примерно в то же время, возможно, впервые в русской публицистике Филофей использует логический прием приведения к противоречию для доказательства несоответствия веры в «злой» час вере в Бога.

Таким образом, в первых десятилетиях XVI в. на Руси активизировалась роль логического осмысления астрологии в системе духовных и научных (математика) представлений. Причем были выработаны логические подходы, частично реабилитировавшие «управительную» астрологию.

Возникает еще одна проблема: адекватности восприятия указанных суждений общественной средой того времени. По поводу суждений Филофея данных как будто бы нет. О том, что логика его доказательств была оценена по достоинству, есть сведения лишь от кон. XIX - нач. XX вв. (К. Голоскевич, В. Малинин). Однако имеются факты по поводу неадекватного восприятия умозаключений Митрофана и Максима. В соответствии с Распространенной и некоторыми списками XIX в. Основной редакций «Сказания о Мамаевом побоище», Боброк якобы заранее знал о «счастливым» восьмом часе, который должен был привести к победе русских.

Однако при этом утрачивалась реальная ситуация «равноправности» сражающихся перед «лицом» «доброе» часа. «Доброта» седьмого и восьмого часа в равной степени касалась как русских, так и ордынцев.

Этого не осознавали некоторые последующие древнерусские редакторы. Аналогичное неверное восприятие суждений Максима Грека демонстрируют авторы «Азбуковников» и редакторы их списков. Они отождествили математические знания с астрологическими, выхолостив истину о самоценности «математических книг», их независимости от астрологии. В обоих случаях неверного восприятия умозаключений Митрофана и Максима лежит общий дефект логического мышления: неспособность различать необходимое условие от достаточного. По-видимому, это является чертой обыденного, неразвитого в логическом смысле сознания. Возможно, таким «донаучным» мышлением обладали многие люди в средневековый период, и не только на Руси.

Рассмотренные суждения Митрофана, Максима и Филофея показывают, что на Руси к 20-м гг. XVI в. существовали способы научного мышления, которые применялись в полемике теолого-идеологического характера и художественном осмыслении военно-исторических событий. Это свидетельствует о принципиальной неверности мнения западных ученых (Р. Хелли и др.) о сплошной серости, малограмотности и интеллектуальной отсталости средневековой Руси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Иванов Вяч. Вс.** Нейропсихологические модели и возможности их применения к истории русской средневековой культуры // *Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание*. М., 1997.
2. **Hele R.** Late Medieval and Early Modern Russian Civilization and Modern Neuroscience // *Московская Русь (1359-1584): культура и историческое самосознание*. М., 1997.
3. **Свицков В. И.** Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей. М., 1998.
4. **Дмитриев Л.А.** Задонщина // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.
5. Истоки русской беллетристики. Л., 1970.
6. **Дмитриев Л.А.** Сказание о Мамаевом побоище // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
7. **Рудаков В.Н.** «Духъ южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // *Герменевтика древнерусской литературы / Институт мировой литературы РАН*. М., 1998. Сб. 9.
8. Сказание о Мамаевом побоище // *Памятники литературы Древней Руси*. XIV-середина XV в. М., 1981.
9. **Преображенский А.Г.** Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 1-2.
10. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.; Л., 1965.
11. **Симонов Р.А.** Счастливый и несчастливый день, час // *Русская речь*. 1995. № 5.
12. Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Казань, 1860.
13. **Малинин В.** Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
14. **Козан М.Д., Поньрко Н.В., Рождественская М.В.** Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // *Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН*. Л., 1980. Т. 35.
15. **Тихонравов Н.** Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.

- 16 Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- 17 **Дмитриев Л.А., Лихачева О.П.** Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- 18 **Каменцева Е.И.** Хронология: Учебное пособие. М., 1982.
- 19 Условие // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- 20 **Выгодский М.Я.** Справочник по высшей математике. М., 1966.
- 21 **Клосс Б.М.** Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997.
- 22 **Сперанский М.Н.** «Злые дни» в приписках Асеманова Евангелия // Македонски преглед. София, 1932. Кн. 1.
- 23 **Симонов Р.А.** Русская астрологическая книжность (XI - первая четверть XVII века). М., 1998.
- 24 **Лихачев Д.С.** О филологии. М., 1989.
- 25 **Симонов Р.А., Стяжкин Н.И.** Историко-логический обзор текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа» // Научные доклады высшей школы: Философские науки. 1977. № 5.
- 26 **Таубе М.** Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь живодствующих // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997.
- 27 Грамота архиепископа Генадия Новгородского владыце Прохору Сарьскому // **Казакова Н.А., Лурье Я.С.** Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.; Л., 1955.
- 28 **Симонов Р.А.** Древнерусское значение понятий, восходящих к термину «математика» // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып. 32-33.
- 29 **Дмитриева Р.П.** Сказание о князьях владимирских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
- 30 **Симонов Р.А.** Об использовании древнерусским книжником приема «тонкой правки текста» в «Сказании о князьях владимирских» // Букинистическая торговля и история книги. М., Вып. 8. (в печати).
- 31 **Филофей.** Послание о злых днях и часах // Памятники литературы Древней Руси. XV - первая половина XV в. М., 1984.
- 32 **Голоскевич К.** Астрология в России в XV-XVI вв. и послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «На звездочетцы и на латыны». Остров, 1897.
- 33 **Колесов В.В.** Комментарий // Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1990.
- 34 Третье послание Курбского Ивану Грозному // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986.
- 35 **Кучкин В.А.** Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- 36 Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. Б.А. Рыбаков, ред. В.А. Кучкин. М., 1998.
- 37 **Романова А.А.** Методика «малого года» для расчета круга солнца и луны в русской рукописи XV в. // Букинистическая торговля и история книги. М., 1998. Вып. 7.
- 38 **Симонов Р.А.** Описание календарной методики «малого года» в сербской рукописи около 1372 г. // Букинистическая торговля и история книги. М., 1998. Вып. 7.
- 39 **Саплин А.Ю.** Астрологический энциклопедический словарь / Под общ. ред. Г.Е. Куртика. М., 1994.
- 40 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950.
- 41 **Соболевский А.И.** Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903.
- 42 **Симонов Р.А.** О причине появления единорогов на золотой монете («Корабельнике») Ивана III // Гербовед. 1997. № 3 (15).